

УПРАВЛЕНИЕ СПРОСОМ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Решетникова Е.Г., д.э.н., ИАГП РАН

В статье дан критический анализ гипотез взаимосвязи институтов и экономического развития. Систематизированы формальные и неформальные институты, определяющие динамику потребительского выбора в сфере продовольствия. Обоснованы направления совершенствования института индексации заработной платы, влияющего на повышение реальных доходов населения и формирование платежеспособного спроса на продовольственные товары.

Ключевые слова: институты, платежеспособный спрос на продовольствие, реальные располагаемые доходы населения, индексация доходов, доля затрат на продукты питания.

FOOD DEMAND MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL CONCEPT OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences, IAGP RAS

The article provides a critical analysis of the hypotheses of the relationship between institutions and economic development. The formal and informal institutions that determine the dynamics of consumer choice in food are systematized. The directions of improving the institution of wage indexation, which affects the increase in real disposable household income and the formation of effective demand for food products, are substantiated.

Key words: institutions, solvent demand for food, real disposable household income, indexation of incomes, share of expenditures on food products.

Введение.

Эволюция взглядов экономической теории на условия экономического роста включала в себя несколько этапов. Неоклассическая теория, рассматривая экономику как макроэкономическую производственную функцию, связывала экономический рост с состоянием производственных и трудовых ресурсов [1]. Однако, как показали последующие исследования, факторы производства не могут в полной мере объяснить и обеспечить прогноз темпов экономического роста различных хозяйственных систем. Дальнейшее развитие экономической мысли способствовало созданию современной теории экономического роста в рамках неоклассической теории, которая учитывала помимо традиционных факторов, определяющих экономическое развитие, такие факторы как человеческий капитал и технический прогресс. Однако данная теория не отражала те ключевые моменты, которые определяют условия вложения инвестиций в человеческий и производственный капитал. Эти пробелы неоклассической теории устранила новая институциональная экономическая теория, которая трактует институты как «правила игры», определяющие поведение экономических агентов. В современной экономической теории представителями разных школ и направлений не оспаривается важная роль экономических и политических институтов в процессе экономического развития и устойчивого функционирования хозяйственных систем. Дискуссионными являются следующие аспекты: эффективные институты следует рассматривать как фактор, обеспечивающий процесс развития, или как его результат, а также какие факторы, кроме институциональных, оказывают основополагающее влияние на экономический рост. Управление спросом на продовольствие в рамках институциональной концепции экономического развития предполагает определение вектора трансформации института индексации доходов, института регулирования дифференциации заработной платы, института налогообложения, неформальных институтов формирования потребительского выбора на основные продукты питания в краткосрочной и долгосрочной перспективе, направленное на устойчивое функциони-

рование национального агропродовольственного комплекса и обеспечение социальной стабильности в обществе.

Цель исследования – обоснование направлений совершенствования институциональных аспектов управления платежеспособным спросом на продовольствие в контексте институциональной концепции экономического развития.

Методика исследования.

Проведенные исследования опирались на такие общенаучные методы познания, как системный анализ, метод сравнения, абстрактно-логический и монографический методы, использование которых дало возможность показать научную обоснованность институциональной гипотезы экономического развития, определить систему институтов, определяющих положительную динамику платежеспособного спроса на продукты питания как условие устойчивого развития агропродовольственного комплекса.

Результаты исследования.

В соответствии с подходом Д. Норта современная институциональная теория понимает под институтами механизмы принуждения, направленные на соблюдение определенных правил; формальные нормы, к которым относят законы и другие нормативно-правовые акты; а также неформальные нормы (традиции, обычаи, социальные условности, сложившиеся стереотипы). Так, представитель институционализма Т. Веблен считал необходимым для изучения применять социально-психологические механизмы, определяющие поведение агентов, в основе которых лежат мотивы демонстрационного поведения, инстинкта подражания, законы социального статуса. Согласно Д. Норта генератором развития экономики и институциональных изменений долгосрочного характера выступают пропорции цен и потребительские предпочтения. Ученый отмечал, что «ключом к повышению эффективности является некая комбинация формальных правил и неформальных ограничений» [2]. В монографии Д. Асемоглу и Дж. Робинсон «Why Nations Fail» («Почему страны терпят неудачи»), вышедшей в 2012 г., отмечается, что институты по своей природе могут быть инклюзивными и экстрактивными [3]. Инклюзивные экономические институты направлены на создание необходимых условий для внедрения инноваций, развития предпринимательства, расширения инвестиций. К инклюзивным институтам относят свободную конкуренцию, защиту прав собственности, обеспечение доступа к рынкам всем рыночным агентам и т.д. Экстрактивные институты по своей природе тормозят экономическое развитие, поскольку подавляют предпринимательскую инициативу, ведут к усилению дифференциации доходов и имущественному расслоению, препятствуют замене устаревших технологий, в конечном результате ведут к экономическому упадку.

В экономической науке сложились несколько теорий, исследующих влияние различных факторов на экономический рост: институциональная, географическая, культурная гипотезы, гипотеза развития. Для институциональной гипотезы характерна трактовка эффективных институтов в качестве обязательного условия и отправной точки экономического роста [4]. Согласно данной гипотезе более прогрессивные институты формируются как результат естественного отбора, приходя на смену изменяющимся потребностям экономического развития, следуя за необходимостью организационных изменений, направленных на обеспечение большей прибыли [5]. Для подтверждения институциональной гипотезы необходимо использование сопоставимых параметров, характеризующих влияние изменения институциональной среды на процесс экономического развития. Современная экономическая наука не выработала на сегодняшний день единого подхода к количественным и качественным характеристикам институциональной среды, однако различные международные организации предлагают собственные методики и индикаторы оценок такого рода [6]. В этом перечне следует выделить индексы эффективности государственного управления (индексы Worldwide Governance Indicators), индекс свободы деловой активности, являющийся разработкой американского института Heritage Foundation; индекс гражданского общества (Civil Society Index), индекс восприятия коррупции (Transparency International's Corruption Perceptions Index) и ряд других. Среди перечисленных показателей наибольшее распространение в мире получили

индексы Worldwide Governance Indicators, представляющие собой проект Всемирного банка, осуществляемый с 1991 г., которые рассчитываются для более двухсот стран [7]. По мнению специалистов, использование именно этой методики наиболее эффективно для характеристики институциональной среды, поскольку лежащие в ее основе индексы предназначены для оценки качества институтов государственного управления. Эти институты составляют важнейший элемент институциональной среды и оказывают непосредственное воздействие на ее формирование и развитие. Следует отметить, что данная методика применяется и в нашей стране, в ее состав входит шесть комплексных параметров, характеризующих функционирование институтов государственного управления. Первый показатель методики Voice and Accountability представляет собой индекс гражданских прав и подотчетности государственных органов, который объединяет параметры, оценивающие те или иные аспекты политических прав и гражданских свобод (степень независимости прессы, свободы слова и различных объединений, степень участия членов общества в выборе органов власти всех уровней). По данному индексу в 2000–2015 гг. лидерами были Швеция, Швейцария и Финляндия, в 2015 г. в этих странах имел место следующий уровень рассматриваемого индекса соответственно: 1,6; 1,58; 1,56. Второй индикатор рассматриваемой методики связан с измерением политической стабильности в государстве (Political Stability and Absence of Violence) и включает показатели, дающие возможность оценить стабильность политического курса и устойчивость государственных институтов. Максимальные значения данного индекса были характерны для Швейцарии и Канады – соответственно 1,31 и 1,24. Показатель (Government Effectiveness) позволяет оценить эффективность государственных органов управления и аккумулирует в себе параметры, характеризующие качество разрабатываемых документов внутренней политики и степень их реализации, а также уровень доверия населения к действиям, осуществляемым управленческими структурами, их уровень компетенции и качество принимаемых решений. Максимальные значения индекса отмечались в Дании и Финляндии – соответственно 1,85 и 1,82. Индекс (Regulatory Quality) направлен на оценку качества государственного регулирования и законодательства, он объединяет параметры, характеризующие государственную поддержку предпринимательства. Наивысшего уровня он достиг в Великобритании и Финляндии (1,86 и 1,83). Пятый индекс (Rule of Law) призван отражать верховенство закона в субъективном восприятии членов общества. Он объединяет параметры, отражающие степень уверенности граждан, предпринимателей, представителей всех сфер бизнеса и бюджетной сферы в соблюдении установленных законодательных норм; оценку эффективности работы судов и полиции и др. Максимальные значения индекса отмечались в Швейцарии (1,97), Канаде (1,84) и Австралии (1,82). Шестой индикатор (Control of Corruption) отражает уровень антикоррупционного контроля и включает параметры, характеризующие различные аспекты, которые имеют отношение к связи явления коррупции с функционированием государственных и политических институтов, с отношением к коррупции в обществе, оценкой степени использования государственной власти на разных уровнях в целях личного обогащения. Наивысшие уровни рассматриваемого индекса были характерны для Австралии (1,91), Великобритании (1,87) и Канады (1,85). Формирование статистической информации для системы индексов Worldwide Governance Indicators происходит на основе более тридцати источников, подготавливаемых на систематической основе международными институтами, в которых отражено мнение экспертов в различных сферах государственного управления и регулирования, представителей всех слоев общества и бизнеса об уровне эффективности важнейших аспектов сложившейся институциональной среды. Однако регрессионные оценки влияния институтов на экономический рост зачастую подвергаются критике из-за так называемой проблемы эндогенности, заключающейся в том, что рассматриваемые регрессоры и ошибка регрессии могут коррелировать друг с другом, что не дает возможность трактовать их как внешние экзогенные факторы. Кроме того, в предлагаемых моделях сложно отразить все многообразие факторов, детерминирующих экономический рост. В связи с этим чрезвычайно интересной является идея использования естественных экспериментов при исследовании влияния институтов на экономическое развитие [4]. В современной экономической нау-

ке всё более популярным становится новое направление методологии – метод полевых экспериментов. Так, в 2019 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена М. Кремеру, Э. Дюфло и А. Банеджи за экспериментальный подход к снижению глобального уровня бедности. Проводимые ими эксперименты в сфере образования Индии и Кении показали, что обеспечение школ учебниками и бесплатное питание не оказывают значимого влияния на успеваемость, в то время как улучшение качества преподавания и подбор индивидуального подхода при обучении каждого ученика способствует повышению уровня образования. Признавая перспективность данной методологии нельзя не отметить сложность проведения подобного рода экспериментов на уровне важнейших макроэкономических показателей. В связи с этим единственным вариантом в случае анализа макроэкономических параметров является исследование ретроспективных данных в странах с общими культурными, природными факторами, но отличающимися институциональными факторами в силу их различного политического развития. В данном случае можно говорить о естественных экспериментах. Следует согласиться, что использование таких исторических сравнений содержит интересный материал о влиянии институциональных преобразований на экономическое развитие.

Рассмотрим и другие гипотезы, изучающих доминирующее влияние определенных факторов на экономический рост, а именно географическую и культурную гипотезы, а также гипотезу развития. Географическая гипотеза считает определяющими факторами состояния экономики любого государства климатические особенности его территории, протяженность собственной береговой линии, наличие выхода к морям. Данная гипотеза утверждает, что особенности климата и местоположения страны определяют уровень издержек производства, возможности международной торговли, темпы развития социальной сферы. Следует согласиться с подходом институциональной гипотезы, которая, не умаляя значения географического расположения государства и соответствующей ему природно-климатической зоны отмечает, что их влияние на экономическое развитие опосредуется институтами. В качестве примера можно привести такие разные в экономическом отношении страны, находящиеся в одинаковом жарком климате, как Оман, Кувейт, Катар, Бразилия, Нигерия и Чад.

Культурная гипотеза основным фактором, влияющим на развитие, считает преобладание в обществе определенных норм и ценностей (например, протестантской этики или этики конфуцианства). Слабой стороной данной гипотезы является сложность объяснения различий в экономическом развитии стран близких в культурном отношении, например, Северная и Южная Корея. Гипотеза развития возникла как противопоставление институциональной гипотезы экономического роста, сущность причинно-следственной связи, лежащей в ее основе, заключаются в том, что рост экономики объективно ведет к появлению сильных эффективных институтов, в процессе экономического роста происходит их совершенствование и необходимая модернизация [8]. По мнению ученых, придерживающихся данного подхода, в более развитых в экономическом отношении странах, как правило, в большей степени развиты прогрессивные демократические институты. В условиях устойчивого экономического развития происходят процессы урбанизации и возникает настоятельная потребность в образовании, квалифицированных кадрах, в инвестициях в наращивание человеческого капитала, что приводит к формированию более эффективных институтов.

В современных условиях долговременные тенденции экономических изменений объясняет и дает возможность прогнозировать ветвь новой институциональной экономической теории – институциональная макроэкономика. По мнению аналитиков, несмотря на огромный потенциал неинституциональной школы, она не может в настоящее время предложить решение ряда назревших социальных проблем, в частности, увеличения дифференциации доходов населения, являющейся опасной с точки зрения социальной напряженности и снижения массового спроса. Для решения данной проблемы недостаточно изменение существующих и введение новых институтов, необходимо изменение экономической политики, предполагающей управляемые институциональные трансформации [9].

Управление внутренним спросом на продовольствие направлено на решение задач экономической устойчивости и социальной стабильности. Важнейшей частью внутреннего

спроса на продовольствие является платежеспособный спрос населения. Для повышения эффективности регулирования спроса как одной из форм управления важно совершенствование институциональных аспектов в данной сфере. Несмотря на огромную популярность постулатов поведенческой экономики и важности учета психологических моментов, при формировании потребительского спроса в настоящий момент в России определяющее значение имеет фактор реальных располагаемых доходов, которые в последние годы демонстрировали негативную динамику. Реальные располагаемые доходы населения России во втором квартале 2019 г. сократились на 0,2% по сравнению со вторым кварталом 2018 г., в первом полугодии 2019 г. снижение составило 1,3% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года [10].

Тенденциями сферы потребления продовольствия последнего времени является отставание среднедушевого потребления ряда основных продуктов от рекомендуемого норматива. В 2014 г. уровень рациональной нормы не был достигнут по потреблению в среднем по всем домохозяйствам России таких продуктов, как молоко, яйца, овощи и фрукты [11]. Данный тренд сохранился и в 2018 г.: среднедушевое потребление молочных продуктов составило 81,7% от рациональной нормы, яиц – 88,8%, овощей – 74,4%, фруктов – 73,7%. То что, для России в современной экономической ситуации основное значение при формировании спроса на основные продукты питания имеет фактор денежных доходов, косвенно подтверждает показатель доли затрат на продукты питания в структуре потребительских расходов. В 2018 г. доля расходов российских домохозяйств на продукты питания в потребительских расходах составила 30,2%, что значительно выше, чем в странах с развитой рыночной экономикой [12]. Международные сравнения свидетельствуют о том, что данный показатель тесно связан с условиями жизни в той или иной стране. Экспертами агентства РИА Рейтинг выявлена значительная дифференциация доли расходов на продукты питания в структуре семейных бюджетов европейских государств. Наименьшая величина данного параметра характерна для населения Люксембурга, которое в среднем направляет на приобретение продовольствия 8,7% своих потребительских расходов. Следующую позицию занимает Великобритания с долей затрат на покупку продовольствия на уровне 10,0% расходов, третье место принадлежит Нидерландам с 10,6%. Относительно небольшие показатели доли расходов на питание в потребительских расходах (менее 12%), свидетельствующее о высоком уровне жизни, характерны для Ирландии, Швейцарии, Норвегии, Австрии. Максимальные величины рассматриваемого показателя отмечались в странах Восточной Европы [13]. По данным ООН, в 2016 г. в пяти странах доля расходов на питание в доходах в среднем по всем категориям населения была ниже 10%. В эту группу входили США (6,69%), Великобритания (8,55%), Швейцария (8,85%), Канада (9,07%), Австралия (9,99%). Для стран Западной Европы были характерны значения рассматриваемого параметра от 11 до 16%, например, в Норвегии – 11,69%; во Франции – 13,48; Испании – 13,67; Италии – 14,64; Исландии – 15,13%. Для стран Восточной Европы был характерен интервал от 16 до 21 % для изменения данного параметра: в Чехии – 16,4%; в Польше – 18,0; в Хорватии – 20,46%. В России данный показатель составил 28,32 %, рядом с нашей страной по величине рассматриваемого показателя находились Ирак (27,6%), Таиланд (28,26%), Иран (30,05%), Индия (30,71%) и Монголия (31,02%) [14].

Следует отметить, что показатель доли расходов на питание в потребительских расходах хорошо иллюстрирует наличие региональной дифференциации уровня жизни в России: величина данного параметра колеблется от 26,1% в Ханты – Мансийском автономном округе до 60,1 % в Республике Ингушетия. На структуру питания в регионах основное воздействие оказывают факторы доходов и цен, однако определенное влияние имеют и неформальные институты – исторические традиции и национальные особенности. Например, Республика Калмыкия, занимая 75-е место среди субъектов Российской Федерации по величине валового регионального продукта в расчете на душу населения, по среднедушевому потреблению хлеба занимает 25-е место, по среднедушевому потреблению молочных продуктов – 41-е, по среднедушевому потреблению растительного масла – 52-е, по среднедушевому потреблению яиц – 61-е, по среднедушевому потреблению сахара – 81-е. В силу национальных особенно-

стей потребления мяса занимает первое место в РФ по среднедушевому потреблению данного продукта (115 кг в год на потребителя) [12].

При условии насыщения рынка продовольственными товарами и высоком уровне удовлетворения платежеспособных потребностей на формирование спроса начинает оказывать существенное влияние такой фактор как качество продуктов питания [15]. В нашей стране это относится в большей степени к доходной группе с максимальными доходами, у которой доля затрат на питание в потребительских расходах приближается к европейскому уровню (17,3%). По существующим оценкам в настоящее время 70% населения страны вынуждены экономить на покупках, более 50% покупателей предпочитают покупать товары по акциям, а среди товаров повседневного спроса доля товаров со скидкой приближается к 70% [16].

Для регулирования спроса населения на продовольствие важно совершенствование института индексации доходов, института регулирования дифференциации заработной платы, а также целесообразно повышение черты бедности, увеличение объема и расширение структуры прожиточного минимума. Актуальна модернизация института налогообложения в направлении введения прогрессивной шкалы с необлагаемым минимумом, расширения и увеличения налоговых вычетов при осуществлении расходов на социальные цели, снижение налогов на физических лиц. Положительным явлением после общего повышения налога на добавленную стоимость с 18 до 20% с 1 января 2019 г. является решение об уменьшении НДС с 1 октября 2019 г. на фрукты и ягоды до 10%, что должно способствовать снижению цен на плодово-ягодную продукцию отечественного производства [17]. Данная мера является крайне важной, поскольку среднедушевое потребление фруктов в нашей стране на протяжении длительного времени отстает от рациональной нормы. К таким же проблемным продуктам относятся молочные продукты, овощи, яйца. Целесообразно поэтапное использование в отношении них такого инструмента как снижение налога на добавленную стоимость.

Мощным экономическим рычагом, направленным на обеспечение положительной динамики реальных располагаемых доходов населения и увеличения платежеспособного спроса на продовольствие, является механизм индексации заработной платы. В мире накоплен богатый опыт в сфере индексации оплаты труда, однако единых рецептов, приемлемых для всех стран, в настоящее время не существует. Анализ мирового опыта свидетельствует о необходимости совершенствования институциональной составляющей механизма индексации заработной платы в направлении большей прозрачности этого процесса, особенно в сфере коммерческих организаций. Обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы предполагает осуществление индексации заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. В настоящее время основным нормативно-правовым документом регулирования отношений в сфере индексации доходов является Трудовой кодекс РФ, в котором в ст. 134 отмечено, что «государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения производят индексацию заработной платы в порядке, установленном трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, другие работодатели – в порядке, установленном коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами» [18]. Особенность осуществления индексации оплаты труда в нашей стране как институциональной конструкции состоит в том, что сама норма установлена на федеральном уровне, а механизм ее выполнения должен быть сформирован на уровне предприятия. Выполнение этой нормы контролируется коллективным договором между работодателями и профсоюзом.

Вряд ли можно согласиться с мнением, содержащимся в научной литературе, о возможности неоднозначной трактовки работодателями ст. 134 ТК РФ, но вместе с тем следует поддержать мысль о том, что при существующем подходе работодатель имеет массу возможностей ее формального выполнения [19]. На наш взгляд, как следует из ст. 134 Трудового кодекса работодатель обязательно должен разработать и закрепить в коллективном договоре, соглашении, локальном нормативном акте механизм индексации на предприятии. В ином случае работодатель может быть привлечен к административной ответственности в со-

ответствии со ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях, где сказано, что «нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, влечет предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от одной тысячи до пяти тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от одной тысячи до пяти тысяч рублей; на юридических лиц – от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей» [20]. Складывается достаточно сложная ситуация, при которой механизм индексации оплаты труда прописывается с участием работодателя, у которого не может быть реальной заинтересованности в ее справедливом выполнении. И если полное игнорирование выполнения работодателем ст. 134 ТК РФ может повлечь для него определенные финансовые потери, то применение других стратегий может обеспечить предотвращение убытков от проведения индексации. Например, если в коллективном договоре отмечено, что процесс индексации может быть осуществлен при наличии финансовых возможностей у предприятия. При наличии в коллективном договоре четкого механизма индексации оплаты труда данная норма, как правило, выполняется. Однако точное отражение в коллективном договоре алгоритма индексации, выражающего интересы работников предприятия, является существенной проблемой и зависит от целого ряда факторов: длительность трудового контракта, авторитет профсоюзной организации, состояние рынка труда, конкуренция на рынке труда, возможность трудоустройства на другом предприятии, рентабельность предприятия, уровень социальной ответственности бизнеса и др. При отсутствии в коллективном договоре четкой формулировки механизма индексации работодатель может уменьшать премиальный фонд, менять форму и систему оплаты труда, в результате индексация будет носить формальный характер, не улучшая реального финансового положения работника. Таким образом, основополагающие принципы проведения индексации целесообразно закреплять законодательно на федеральном уровне.

Заключение.

Основополагающее значение институтов в процессе экономического развития выражает институциональная гипотеза, для подтверждения которой экономическая теория использует широкий спектр индикаторов анализа институциональной среды, а также метод естественных экспериментов. Управление спросом на продовольствие в рамках институциональной концепции экономического развития, направленное на устойчивое функционирование национального агропродовольственного комплекса и обеспечение социальной стабильности, предполагает систематизацию формальных и неформальных институтов формирования потребительского выбора на продукты питания в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Для повышения эффективности управления спросом на продовольствие важно совершенствование институтов индексации доходов, регулирования дифференциации заработной платы, налогообложения, а также повышение черты бедности, увеличение объема и расширение структуры прожиточного минимума. Мощным инструментом достижения положительной динамики реальных располагаемых доходов населения и увеличения платежеспособного спроса на продовольствие является механизм индексации оплаты труда. Необходимо поэтапное совершенствование институциональной составляющей индексации заработной платы в направлении утверждения ее ключевых принципов в трудовом законодательстве на федеральном уровне.

Список литературы:

1. Solow R. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. – 1956. – Vol. 70 (1). – P. 65–94.
2. North D.C. Understanding the Process of Economic Change. – Princeton University Press, 2005. – 187 p.
3. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. – New York: Crown Business, 2012.

4. Натхов Т.В., Полищук Л.И. Политэкономика институтов и развития: как важно быть инклюзивным // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – № 2(34). – С. 12– 38.
5. Eggertson T. Economic Behavior and Institutions. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 385 p.
6. Вихарев В.В. Использование методики WGI Всемирного банка в оценке изменений институциональной среды России: возможности и ограничения // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2016. – № 46. – С. 32–44.
7. Всемирный банк. Проект Worldwide Governance Indicators. – URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/worldwide-governance-indicators>.
8. Glaester E., Porta R.la, Lorez-de-Silanes E., Shleifer A. Institutions Cause Growth? // Journal of Economic Growth. – 2004. – Vol. 9(3). – P. 271–303.
9. Попов Е.В., Сухарев О.С. Институциональные факторы экономических изменений теории Дугласа Норта // Журнал экономической теории. – 2016. – № 3. – С. 117–132.
10. Уровень жизни населения в I полугодии 2019 года. – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/.
11. Решетникова Е.Г. Информационные аспекты обеспечения продовольственной безопасности России // Информационная безопасность регионов. – 2014. – № 3 (16). – С. 45–50.
12. Уровень жизни домашних хозяйств. – URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm.
13. Рейтинг стран Европы по доле расходов семей на продукты питания – 2018. – URL: <https://riarating.ru/countries/20181218/630114363.html>.
14. Доля расходов на питание (еду) в странах мира. – URL: <https://deepcool-ma.com/dolya-rasxodov-na-pitanie-edu-v-stranax-mira/.html/>.
15. Продовольственная безопасность России: вызовы, риски, угрозы / А.А. Анфиногенова [и др.] – Саратов, 2011. – 270 с.
16. Исследование Nielsen: новые тренды покупательского поведения и розничной торговли. – URL: <https://marketing.by/novosti-rynka/issledovanie-nielsen-novye-trendy-rokupertelskogo-povedeniya-i-rozничnoy-torgovli/>
17. Изменяется НДС для некоторых продуктов // Московский комсомолец. – 2019. – 30 сентября.
18. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
19. Орехова С.В. Оценка институциональной эффективности индексации оплаты труда // Вестник СПбГУ. – Сер. 5. – 2016. – Вып. 3. – С. 130–154.
20. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 18.02.2020). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&dst=&n=34661&req=doc#05263267032124166>.